

The insolence of office and the spurns
That patient merit of the unworthy takes,
When he himself might his quietus make
With a bare bodkin? who would fardels bear,
To grunt and sweat under a weary life,
But that the dread of something after death,
The undiscover'd country from whose bourn
No traveller returns, puzzles the will,
And makes us rather bear those ills we have
Than fly to others that we know not of?
Thus conscience does make cowards of us all;
And thus the native hue of resolution
Is sicklied o'er with the pale cast of thought,
And enterprises of great pith and moment
With this regard their currents turn awry,
And lose the name of action. ...

Высокомерье сильных и презренье,
Что ждет достоинство от недостойных,
Коль нужен лишь один удар кинжалом?
Кто б захотел нести в поту, стеною,
Изматывающей нас жизни бремя?
Но этот страх ЧЕГО-ТО после смерти, —
Страна неведомая, из которой
Возврата нет, смущает нашу волю,
Толкает нас в объятья наших бед, —
Неведенью мы их предпочитаем:
Так в трусость нас ввергает размышление,
И так румянец молодой отваги
Сменяет нерешительности бледность,
И существо великого мгновенья
Тем самым превращается в ничто, —
И нет уже поступка...

(перевод Г.Ш.)

Интересна, как мне кажется, история моего перевода Песни Первой поэмы Шекспира «Страстный пилигрим». Поскольку у меня уже было несколько переводов из У. Шекспира, С. Б. предложила мне попробовать к Празднику 1983 г. перевести фрагмент из XII Песни этой его поэмы. Вот что у меня тогда вышло:

From XII

Crabbed age and youth cannot live together:
Youth is full of pleasance,
age is full of care;
Youth like summer morn,
age like winter weather;
Youth like summer brave,
age like winter bare.
Youth is full of sport,
age's breath is short;
Youth is nimble,
age is lame:
Youth is hot and bold,
age is weak and cold;
Youth is wild, and age is tame.
Age, I do abhor thee; youth, I do adore thee;
O, my love, my love is young!

Из песни XII

Старости с юностью трудно ужиться, —
Это понятно должно быть нам всем:
Юности — жизни бы вволю напиться,
старость иное заботит совсем...
Юность, как летнее утро прекрасна,
старость похожа на вечер ненастный.
Юность, как летнее солнышко ясное, —
Старость, как слякоть зимой, безобразна.
Юность — проворна, легка, энергична, —
Старость — слаба, ко всему безразлична, —
сбито дыхание, хромота...
Юность храбра! Для нее высота —
необузданной — не преграда.
Старость — сдалась, — ничего ей не надо...
...Юность! Люблю, обожаю тебя!..

(18.03.83)

...В 1985 г. мне удалось перевести ещё несколько Песен этой поэмы.

VIII

If music and sweet poetry agree,
As they must needs, the sister and the brother,
Then must the love be great 'twixt thee and me,
Because thou lovest the one, and I the other.
Dowland to thee is dear, whose heavenly touch
Upon the lute doth ravish human sense;
Spenser to me, whose deep conceit is such
As, passing all conceit, needs no defence.

Песнь восьмая

Коль музыка с поэзией в согласье, —
Как и должно быть, — как сестра и брат,
Нас одарит любовь безмерным счастьем:
Одним ты дышишь, я другим богат.
Тебе — мелодия, чье нежное касанье
Чудесной лютни радует людей;
Мне ритм поэзии и нежных рифм звучанье
Подарит дивный мир блаженных дней.

Thou lov'st to hear the sweet melodious sound
That Phoebus' lute, the queen of music, makes;
And I in deep delight am chiefly drown'd
When as himself to singing he betakes.
One god is god of both, as poets feign;
One knight loves both, and both in thee remain.

Тебя звук музыки — мелодии — прельщает
Волшебной лютни Феба, а меня
Мелодия стиха в объятья принимает,
Когда поет он, струнами звеня.
Поэт бы молвил: бог один у нас с тобою, —
Ведь обе музы согревают нас обоих.

(20.04.85)

XIII

Beauty is but a vain and doubtful good;
A shining gloss that vadeth suddenly;
A flower that dies when first it gins to bud;
A brittle glass that's broken presently:
A doubtful good, a gloss, a glass, a flower,
Lost, vaded, broken, dead within an hour.

And as goods lost are sold or never found,
As vaded gloss no rubbing will refresh,
As flowers dead lie wither'd on the ground,
As broken glass no cement can redress,
So beauty blemish'd once's for ever lost,
In spite of physic, painting, pain and cost.

Песнь XIII

Да, красота — сомнительное благо, —
Хрустальный кубок, выпавший из рук,
Цветок, что в жизнь не сделал полушага,
Блестящий глянец, потускневший вдруг.
Богатство мнимое, сосуд, цветок и блеск —
Развеяно, разбит, увял, исчез...

Богатство канувшее больше не скопить,
Хрустальный кубок не дано собрать,
Цветок увядший нам не оживить,
Облезший лак не отполировать.
Так красота, запятнанная раз,
Не тронет больше никого из нас.

(18.05.85)

Примерно в это же время (или несколько ранее) в 8-м томе знаменитого в СССР Шекспировского 8-томника [2] я увидел вместо Песни Первой — 138-й Сонет в переводе С. Я. Маршака, вставленный В. Левиком, — одним из самых близких к Шекспиру (пожалуй, после М. Лозинского) его переводчиков, в свой перевод поэмы «Страстный пилигрим».

Честно говоря, я не поверил... Хотя, в принципе, ничего удивительного, с точки зрения переводчика, по-видимому, в этом и нет — действительно, к чему снова переводить сонет, который однажды уже переведен?! И кем?!!

Но вот был ли в этой поэме этот сонет и у Шекспира?!

Пришлось заняться «раскопками»...

...Летом 2004 года попался мне на глаза небольшой сборник переводов из У. Шекспира, в котором были Сонеты, эта поэма и что-то ещё. Перевод поэмы выполнен Федотовым (К сожалению, я не записал и не запомнил инициалы). Но самое интересное, что вместо Первой песни там был **опять** помещён 138-й сонет, но уже в переводе Федотова(!).

То же самое, к сожалению, я увидел и в шестом томе 6-томного собрания произведений У. Шекспира в переводе на украинский язык (Изд-во «Дніпро», 1986, руководитель редколлегии — Д. В. Затонский). Вместо Песни Первой в этом издании снова помещён 138-й сонет, на сей раз — в переводе Дмитра Паламарчука...

... «Раскопки» «во глубине» веков, проведенные в январе–феврале 2006 г., в которых мне самоотверженно помогли Г. И. Питомец (Интернет), Л. С. Витенко (Научная библиотека им. В. И. Вернадского в Киеве) и Т. И. Меньшова («Ленинка» в Москве, с сотрудницами этой библиотеки) показали, что на рубеже XIX–XX вв переводчики (Н. А. Холодковский, В. А. Каншин, В. А. Мазуркевич) работали с **оригиналом** Поэмы, «каким-то» образом обходясь без 138 сонета в переводе С. Я. Маршака. Более того, В. С. Давиденкова-Голубева (это уже середина XX ст.) тоже переводила **оригинальный** текст.

...Вскоре отец одного из наших учеников, работавший в аппарате ООН, прислал С. Б. из Вашингтона однотомник Шекспира — весь Шекспир в одном томе — шикарнейшее издание с иллюстрациями Гюстава Доре, — и у меня, наконец, появилась возможность

познакомиться с оригиналом Поэмы. Конечно, они отличались друг от друга — Сонет 138 и Первая Песнь: со 138-м сонетом совпали только *первые три, пятая, десятая и двенадцатая* строки.... Впрочем, судите сами:

**William Shakespeare
Sonnet CXXXVIII**

When my love swears that she is made of truth,
I do believe her, though I know she lies;
That she might think me some untutor'd youth,
Unlearned in the world's false subtleties.
Thus vainly thinking that she thinks me young,
Although she knows my days are past the best,
Simply I credit her false-speaking tongue;
On both sides thus is simple truth suppress,
But wherefore says she not she is unjust?
And wherefore say not I that I am old?
O, love's best habit is in seeming trust,
And age in love loves not to have years told:
Therefore I lie with her, and she with me,
And in our faults by lies we flatter'd be.

**William Shakespeare
The Passion Pilgrim I**

When my love swears that she is made of truth,
I do believe her, though I know she lies;
That she might think me some untutor'd youth,
Unskilful in the world's false forgeries.
Thus vainly thinking that she thinks me young,
Although I know my years be past the best,
I smiling credit her false-speaking tongue,
Outfacing faults in love with love's ill rest.
But wherefore says my love that she is young?
And wherefore say not I that I am old?
O! love's best habit is a soothing tongue,
And age, in love, loves not to have years told
Therefore I'll lie with love, and love with me,
Since that our faults in love thus smother'd be.

А вот то, что получилось у меня тогда, в 1985-м (Мне всё же хотелось бы, чтобы разницу уловил и читатель, не очень искушённый в английском языке):

У. Шекспир. Сонет 138.
(Перевод С. Я. Маршака)

Когда клянёшься мне, что вся ты сплошь
Служить достойна правды образцом,
Я верю, хоть и вижу, как ты лжёшь,
Вообразив меня слепым юнцом.

Польщённый тем, что я ещё могу
Казаться юным, правде вопреки,
Я сам себе в своём тщеславье лгу,
И оба мы от правды далеки.

Не скажешь ты, что солгала мне вновь,
И мне признать свой возраст смысла нет.
Доверьем мнимым держится любовь,
А старость, полюбив, стыдится лет.

Я лгу тебе, ты лжёшь невольно мне,
И, кажется, довольны мы вполне!

У. Шекспир. Страстный пилигрим.
Песнь I. (Перевод Г. Ш.)

Коль ты, моя любовь, клянёшься в верности,
Я верю, хоть и убеждён во лжи.
Я не наивен: большей нет нелепости,
Чем верить лишь входящим в эту жизнь.

Я знаю: я не юн в твоих глазах —
Промчавшись, юность больше не вернётся.
С улыбкой верю лжи в твоих словах —
Смущая, с нами слабость остаётся...

Но почему ж любовь моя юна,
Забыв про возраст, распевает оды?
Какой ошибкой жизнь одарена!
Влюбившись, старость не считает годы!

Поэтому я буду лгать, любя,
Пока я жив, пока люблю тебя.

(26.05.1985)

В. Левик почему-то не стал читать оригинал далее третьей строки, а я просто не смог поверить, что человек уровня Шекспира (кто бы под этим именем ни скрывался!) в конце своего творческого пути вставил в свою новую поэму старый, давно написанный сонет. Мне трудно судить о том, насколько совершенен этот мой перевод, но носился я с ним очень долго, несколько лет, пожалуй...

(продолжение следует)

Л и т е р а т у р а :

1. Шекспир У. Гамлет. Избранные переводы. — М.: «Радуга», 1985.
2. Шекспир У. Полн. собр. соч. в 8-ми тт. / Под ред. А. Смирнова и А. Аникста. — М.: «Искусство», 1957-1960.